

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ РЪКИ ЗАРАВШАНА.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ).

Глава I.

Пустыня Маликъ.

Вримикая непосредственно къ Керминскому бекству, разстиляется пустыня Маликъ. Выѣхавъ изъ кишлака Царамъ и пройдя рядъ селеній съ прилегающими къ нимъ полями, на которыхъ вездѣ виднѣлись люди, занимавшіеся полевыми работами, мы взяли направленіе на западъ и почти сейчасъ же видъ мѣстности сталъ измѣняться. Культурная полоса оставалась позади, а на дорогѣ стали встрѣчаться все чаще и чаще песчанья пространства. Еще нѣсколько верстъ и началась песчаная равнина, на которой лишь кое-гдѣ виднѣлись поросли колючекъ и солянокъ. Вѣтеръ, поднимая сыпучій песокъ, перебрасывалъ его съ мѣста на мѣсто, оставляя слѣды, дѣлавшіе песчаную поверхность похожей на зыбь, замѣчаемую на водѣ при небольшомъ вѣтрѣ.

Проводникъ, ѣхавшій уже давно молча, обернулся и заговорилъ:

— Ты, тюра, хотѣлъ видѣть пустыню? Это и есть пустыня Маликъ; идетъ она далеко и ея пески соединяются съ пустыней Сундукли, доходящей до водъ широкой Аму-Дарьи. Мало въ ней мѣсть, гдѣ есть хорошая земля. Здѣсь прежде ходили караваны и была

старая дорога съ колодцами и караванъ-сараями, но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе построили желѣзную дорогу, караваны перестали ходить...

— А что это блеститъ тамъ? Вода?

— Нѣтъ, тюра, это бѣло-соль. Вездѣ здѣсь солончаки; старые люди говорятъ, что здѣсь прежде было море.

Песчаная пустыня Маликъ, проходящая широкою полосою черезъ всю Бухару, занимаетъ огромное пространство, на которомъ, какъ говоритъ исторія, еще около 300 лѣтъ тому назадъ было огромное соляное озеро и обширныя болота. Надо предполагать, что мѣста эти въ доисторическій періодъ были дѣйствительно дномъ Каспійско-Аральско-Азіатскаго моря, постепенно высохшаго и оставившаго среди песковъ цѣлую массу морскихъ раковинъ и окаменѣлостей. Въ дальнѣйшемъ впадина эта превратилась въ озеро, а затѣмъ, наполняясь излишкомъ водъ Заравшана, образовала болота, чрезъ которыя проходилъ Заравшанъ, впадая въ Аму-Дарью за Кара-Кулемъ около Фараба. Разрушеніе ирригаціонной сѣти, поглощавшей воды Заравшана, постепенно лишило его доступа къ Аму-Дарьѣ, а болота стали высыхать и, заносясь песками, превратились въ пустыню.

Когда-то здѣсь же проходила старая торговая дорога изъ Самарканда въ далекую Грецію. Здѣсь же двигались отряды завоевателей, усѣвая своими костями этотъ трудный путь, на которомъ впослѣдствіи Тимуръ и Абдулахъ построили рядъ робатовъ и колодцевъ, въ настоящее время уже совершенно разрушившихся.

Лишь нѣкоторые туркменскіе и арабскіе роды кочуютъ весною со своими стадами въ этихъ негостепріимныхъ мѣстахъ; въ остальное же время года жизнь идетъ только на двухъ-трехъ колодцахъ, разбросанныхъ по дорогѣ.

Станціи желѣзныхъ дорогъ: Маликъ, Кизиль-Тепе и Кую-Мазаръ, построенныя въ этой пустынѣ, получаютъ воду, привозимую въ особыхъ водяныхъ поѣздахъ съ Аму-Дарьи.

Къ сѣверу, въ разстояніи верстъ 25, лежитъ городъ Гыжь-Дуванъ, носившій въ далекое время старинное названіе Дженда и бывший сильною крѣпостью, закрывавшей съ сѣвера Бухару отъ Хорезма (Хивы).

Впереди, въ туманной мглѣ, уже виднѣлся темнымъ пятномъ древній Джемукендъ (княжескій городъ), получившій въ болѣе позднее время названіе Бухары, отъ слова Бухаръ, т. е. буддійскій монастырь.

Мы подъѣзжали къ столицѣ бухарскаго ханства, пережившей эпоху расцвѣта и, несмотря на упадокъ, до сихъ поръ сохранившей огромное значеніе въ жизни мусульманъ Средней-Азіи.

Г л а в а П.

Бухара.

Переживъ длинный рядъ вѣковъ и почти все время занимая центральное положеніе въ жизни Средней-Азіи, Бухара является историческимъ кладбищемъ, на которомъ похоронены туранская, арабская и монгольская культуры, достигавшія здѣсь кульминаціоннаго пункта своего развитія, а затѣмъ приходившія въ полный упадокъ.

Свѣточъ наукъ и знаній, гремѣвшій на всемъ Востокѣ, насчитывающій длинный рядъ ученыхъ, философовъ и поэтовъ, Бухара постепенно, благодаря узкому фанатизму мусульманскаго духовенства, давно уже погасившему этотъ свѣточъ, превратилась въ мѣсто, въ которомъ наука, вступивъ на путь схоластики, замкнулась въ стѣны узкаго и своеобразнаго ея пониманія. Признавая правильными лишь научныя положенія, коими руководился древній міръ, по ученіямъ Аристотеля, Сократа и Платона, она не соглашалась признать истинами результаты работъ человѣческой мысли позднѣйшихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ, тѣ знаменитыя арабскія медресе, которыя служили разсадникомъ замѣчательныхъ ученыхъ и поэтовъ, въ настоящее время представляютъ собою учебныя заведенія, дающія своимъ ученикамъ знанія, далеко не согласныя съ выводами современной науки, благодаря чему и могутъ быть разсматриваемы, какъ учрежденія, искусственно задерживающія общее культурное развитіе всей страны.

Съ тѣмъ-же чувствомъ, съ которымъ вѣзжаешь на кладбище, подвигались мы къ священному городу, окруженному со всѣхъ сторонъ, на огромномъ пространствѣ, сплошнымъ рядомъ могилъ; жутко становилось, видя древнія надписи на покрытыхъ вѣковымъ налетомъ и пылью камняхъ, бывшихъ безконечно долгое время молчаливыми свидѣтелями прошлой жизни одряхлѣвшаго Востока, давно пережившаго все то, чѣмъ терзается теперь Европа.

Войдя въ соприкосновеніе съ Бухарскимъ ханствомъ, въ началѣ черезъ торговыхъ и иныхъ людей, посѣщавшихъ дале-

кую Бухару по своимъ дѣламъ, правительства русское и бухарское долгое время не вступали между собою въ официальные сношенія и лишь въ 1589 году первый разъ, въ царствованіе Федора Иоанновича, появился въ Москвѣ посолье бухарскаго эмира Абдула-Хана-Махмеда-Али. Но такъ какъ бухарцы не выполнили нѣкоторыхъ требованій въ написаніи Царскаго титула въ привезенномъ письмѣ, то посольство это было безрезультатно, равно какъ и послѣдующая присылка въ 1595 году посломъ Султана-Назара; лишь въ 1619 году былъ наконецъ принятъ Царемъ Михаиломъ Федоровичемъ посолье Имамъ-Кули-ханъ. Посольство это вызвало отвѣтное русское посольство; дворянинъ Иванъ Хохловъ былъ первымъ русскимъ посломъ, посѣтившимъ дворъ бухарскаго эмира, причемъ, помимо завязки торговыхъ сношеній съ Бухарою, посольство имѣло цѣлью выкупъ русскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ татарами разновременно на русскихъ границахъ и перепроданныхъ въ Бухару. Посольство это привезло первыя подробныя свѣдѣнія о жизни Бухарскаго государства.

Въ іюнѣ 1669 года были отправлены новые послы, Борисъ и Семень Пазухины; съ тѣхъ поръ сношенія, ставъ на твердыя основанія, постепенно увеличивали свѣдѣнія о Бухарѣ, а съ поѣздкою въ 1675 г. посольства столника и воеводы Василя Даудова и астраханца Маметь Касимова уже были получены подробныя данныя объ этой далекой странѣ.

Исторически сложившееся движеніе къ Индіи, которому сочувствовалъ Петръ Великій, вызвало походъ Бековича Черкаскаго въ Хиву, но измѣнительное избиеніе его отряда хивинцами на время крайне невыгодно отразилось на отношеніяхъ Россіи къ Бухарѣ. Въ слѣдующія царствованія отношенія эти улучшились, а необходимость полученія изъ Россіи товаровъ вынуждала Бухару заискивать хотя наружно передъ своимъ сѣвернымъ сосѣдомъ, въ особенности въ половинѣ XIX вѣка, когда изъ Индіи началось наступательное движеніе Англіи къ сѣверу, приведшее ее къ войнѣ съ Афганистаномъ и къ занятію Кабула.

Проѣхавъ громадное пространство, занятое кладбищами, мы въѣхали въ предмѣстье Бухары. Узкія улицы, извиающіяся среди глинобитыхъ построекъ и высокихъ дуваловъ, были пустыни и грязь, несмотря на отсутствіе дождей, мѣстами была непролазная. Густыя заросли деревьевъ въ садахъ виднѣлись на огромномъ пространствѣ. Далѣе пригороды кончались и тянулись тѣсныя улицы, отличавшіяся страшною скученностью построекъ.

Арыки съ невозможно грязною водою въ видѣ шумнаго водопада впадали въ широкій и глубокий водоемъ, обложенный огромными тесаными камнями, покрытыми зеленою мховъ и плѣсени. Внизу совершенно зеленоватаго оттѣнка вода казалась жирною и густою. Вѣками не очищаемый старинный водоемъ служить для потребности населенія, являясь, благодаря засоренности, разсадникомъ всевозможныхъ болѣзней. Въ настоящее время, при взглядѣ на него, приходитъ мысль о древней Бухарѣ, орошавшейся, какъ говоритъ исторія, одинадцатью широкими проточными каналами, большинство которыхъ въ послѣдствіи пришло въ упадокъ, а затѣмъ вся ирригаціонная система города, потерявъ свой правильный характеръ, превратилась въ систему арыковъ, хотя и дающихъ воду Бухарѣ, но воду, застаивающуюся въ городскихъ водоемахъ, сдѣлавшихся не проточными.

По всему видно было, что Бухара, бывшая цвѣтущимъ городомъ, шла быстро къ упадку. Старинныя зданія мечетей и медресе, своевременно не поддерживаемыя, потрескались отъ времени.

— Вонъ, тюра, старый дворецъ, въ которомъ жилъ бухарскій эмиръ, указаль проводникъ на мрачное зданіе въ концѣ широкаго двора, выложеннаго каменными плитами. Теперь въ немъ эмиръ никогда не живетъ; не любитъ. Вотъ здѣсь недалеко мы остановимся у Асиль-аксакала.

Бросивъ взглядъ на дворецъ, построенный Абдулахомъ на мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла туранская крѣпость Джемукендъ, мы проѣхали мимо высокой круглой башни, поднимавшейся на площади Регистана.

— Башня смерти: отсюда сбрасывали всѣхъ преступниковъ, нарушилъ молчаніе Нуретдинъ. А это—медресе и рядомъ мечети.

Какъ странно звучитъ для уха самое названіе «башня смерти»! Сколько людей правыхъ и виновныхъ погибло у ея подножія, разбившись о каменные плиты! Жадная до зрѣлищъ толпа лишь рукоплескала этой звѣрской казни.

Древній, весь согнувшійся, старикъ Асиль-аксакаль встрѣтилъ насъ, благодаря родству съ Нуретдиномъ, радушно и тотчасъ же приказаль подать чай въ пестро разрисованную, небольшую, полутемную комнату, въ которой мы остановились.

— Отецъ много видѣлъ на своемъ вѣку и многое можетъ разсказать? спросилъ я старика вечеромъ, полулежа на коврѣ.

— Нѣтъ, тюра, жизнь прошла, а память слаба; мало помню. Я служилъ нукеромъ у эмира Насрула-хана. Да пошлетъ Аллахъ

покой его мятежной душѣ на томъ свѣтѣ. Исполнялъ все, что прикажутъ, а въ памяти почти ничего не удержалъ. Теперь стало время другое, а мой старый умъ сохранилъ мало картинъ далекаго прошлаго.

— Но помнить отелъ, когда пришли сюда русскіе?

— Еще бы, это я помню; вѣдь это же было такъ недавно, всего лѣтъ 30 тому назадъ; я помню еще раньше время, когда въ Бухару пріѣхалъ въ первый разъ къ эмиру русскій посланецъ отъ царя и посланные отъ короля англійцевъ. Но эмиръ не любилъ англійцевъ и приказалъ имъ рубить головы на Регистанѣ, а русскимъ ничего не было. Мы думали, что имъ головы отрубятъ, но только этого не сдѣлали, какъ будто съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ вздохнувъ сказали старикъ.

Невольно я вспомнилъ первые шаги Англій въ Средней Азіи. Начавъ военныя дѣйствія противъ афганцевъ и боясь, что русскіе, при завоеваніи Бухары, подчинятъ и Афганистанъ своему вліянію, угрожая загѣмъ англо-индійскимъ владѣніямъ, британское правительство въ 1838 году командировало въ Бухару посломъ полковника Стоддарта къ эмиру Насрула-хану съ предложеніемъ своей помощи въ случаѣ его войны съ Россіей. Прямой, честный и смѣлый Стоддартъ не отличался дипломатическими способностями и скоро навлекъ неудовольствіе эмира, приказавшаго, вопреки международныхъ правилъ, заключить его въ тюрьму, гдѣ Стоддартъ провелъ въ общей сложности почти четыре ужасныхъ мучительныхъ года, во время которыхъ эмиръ Насрула-ханъ, при полученіи извѣстій о каждой побѣдѣ англійскихъ войскъ надъ афганцами, выпускалъ его, для того, чтобы снова заключить при новыхъ свѣдѣніяхъ о неудачахъ англичанъ.

Ни письма персидскаго шаха и турецкаго султана, ни хлопоты русскаго посла, маіора Бутенева, не могли спасти несчастнаго, а также и второго англійскаго офицера, капитана Каноли, пріѣхавшаго въ Бухару; какъ только пришло извѣстіе о пораженіи англичанъ подъ Кабуломъ, эмиръ, уже не боясь Англій, тотчасъ же приказалъ отрубить на регистанской площади головы полковнику Стоддарту и капитану Каноли, этимъ первымъ европейцамъ, проникшимъ въ Бухару и заплатившимъ своею жизнью за эту попытку.

Молчаливо и безстрастно снесла это преступленіе земля, орошенная кровью жертвъ произвола. Безсильна была и Англія, чтобы потребовать удовлетворенія за этихъ, ни въ чемъ не новин-

ныхъ, людей, погибшихъ при исполненіи своего служебнаго долга.

Утромъ я взобрался на башню смерти. Высокая, круглая башня желтоватаго жженаго кирпича, выдѣлялась на регистанской площади среди медресе и мечетей. Узкая лѣстница въ сотни двѣ ступеней поднималась внутри ея, выходя на площадку, съ которой былъ виденъ весь городъ, какъ на ладони. Плоскія крыши домовъ, казалось, соприкасались другъ съ другомъ, образуя сплошную поверхность, среди которой мѣстами были видны темные купола и минареты мечетей.

Широкою полосою обозначалась огромная линія крытаго базара, а за нимъ, уходя въ даль, куртины деревьевъ и садовъ, закрывавшихъ собою зданія предмѣстій.

Съ этой башни сбрасывали внизъ преступниковъ и потому она называется «башней-смерти», сказалъ сопровождавшій насъ переводчикъ; только теперь уже давно не казнили такимъ способомъ. Больше головы рѣжутъ.

— А видѣли ли вы какъ отсюда бросали людей?

— Видѣлъ, полковникъ. Лѣтъ 20 тому назадъ почти каждую недѣлю бросали. Прикажетъ эмиръ и бросаютъ; мы ходили смотреть. Всегда бросали во время базара.

— Страшно должно быть смотреть?

— Нѣтъ, не страшно. Тому, кого бросаютъ, тому страшно. А народу—ничего; весело смотреть, какъ падаетъ, совершенно неожиданно добавилъ переводчикъ. Всегда много людей приходило, когда слышно было, что будутъ кого казнить.

Безконечною лентою на нѣсколько верстъ протянулся крытый базаръ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ узкихъ улицъ пріютились тысячи небольшихъ лавокъ. Мѣстами огромные купола и массивныя стѣны древней постройки выдѣляются изъ общей массы новѣйшихъ строеній. Отъ главной улицы базара въ обѣ стороны расходятся линіи небольшихъ улицъ. Лавки расположены по сортамъ товара и каждая специальность имѣетъ свою особую улицу.

Масса народа снуетъ взадъ и впередъ, но вся эта толпа молчалива и лишь тихій говоръ, будто шумъ пчелинаго улья, носится въ воздухѣ.

Порою, заставляя прохожихъ прижиматься къ стѣнамъ, проѣзжаютъ коляски извозчиковъ, лавируя по этому лабиринту улицъ, на которыхъ разѣхаться двумъ встрѣчнымъ экипажамъ совершенно невозможно.

Шитье сапогъ, выдѣлка кожъ, изготовленіе мѣстной посуды и масса различныхъ ремесленныхъ работъ производится тутъ же въ открытыхъ помѣщеніяхъ.

Водоносы съ кожаными бурдюками воды снуютъ среди толпы, предлагая воду. Тутъ-же, норою, съ оглушительнымъ громомъ турецкаго барабана и ревомъ трубъ, проходятъ съ ученья бухарскія воинскія части. Разнообразнаго возраста солдаты слѣдуютъ безъ всякаго порядка, толпою, среди которой многіе ѣдутъ на ишакахъ, держа свои ружья въ рукахъ. Передъ командиромъ части несутъ какой то флагъ, за которымъ шествуютъ музыканты. Картина, рѣжущая глазъ военнаго человѣка своей общей нестройностью и отсутствіемъ порядка и однообразія.

Дикій хоръ проходившихъ дервишей, одѣтыхъ въ грязные рваные халаты и колпаки съ мѣховой оторочкою, врывается и смѣшивался со звуками трубъ, образуя какую-то ужасную какофонію.

Тутъ-же, крича во весь ротъ, проѣзжаетъ верхомъ узбекъ: глашатай, объявляющій о пропажахъ.

Темный мрачный дворъ, мимо котораго мы проходили, окруженный зданіями старинной постройки съ широко распахнутыми воротами, невольно обратилъ на себя наше вниманіе несшимися оттуда страшными нечеловѣческими криками.

— Что это такое? Кто здѣсь живетъ? Кто кричитъ? невольно задалъ я рядъ вопросовъ.

— Это Миршабъ хана, по вашему полиціймейстеръ, допрашиваетъ здѣсь народъ. Если кто украдетъ или убьетъ, его сейчасъ сюда ведутъ и начинаютъ спрашивать, какъ дѣло было. Такой человѣкъ никогда сразу правду не скажетъ. Всегда много съ нимъ хлопотъ Миршабу. Палками такого человѣка бьютъ, пока не скажетъ. Два-три раза въ день бьютъ, равнодушно объяснялъ намъ нашъ чичероне порядокъ полицейскаго допроса. — Иногда свидѣтель тоже говорить не хочетъ, тогда и его также бьютъ. И потомъ всегда правду узнаютъ, какъ было дѣло. Розгами также сѣкутъ, если не говорить.

Своеобразные приемы бухарскаго правосудія и допросы съ пристрастіемъ невольно воскрешали въ памяти классическіе застѣнки и пытки, отошедшіе въ область преданія въ Россіи, но оставшіеся въ полной неприкосновенности въ бухарскомъ ханствѣ.

— А, что самъ эмиръ здѣсь живетъ? когда пріѣзжаетъ? спросилъ я, когда мы снова проѣзжали мимо стараго ханскаго дворца, выдѣлявшагося своимъ древнимъ стилемъ и блестявшаго еще мѣстами изразцовой облицовкою.

— Нѣтъ, эмиръ никогда въ Бухару не прѣзжаетъ, боится; здѣшній народъ его не любитъ, потому что онъ съ урусами дружбу ведетъ.

Глинобитныя полуразрушенныя стѣны окружали весь городъ, а за ними находились предмѣстья; вся Бухара съ ея своеобразною жизнью осталась сзади, когда мы выѣхали за городъ. Снова пришлось проѣзжать между огромными кладбищами, напоминавшими о многочисленномъ населеніи этого бывшаго центра мусульманской учености и культурной жизни средне-азиатскаго Востока, превратившагося въ настоящее время въ умирающій городъ, жизнь котораго поддерживается лишь торговлею съ Россіей.

По сторонамъ дороги, прежде шоссированной, но занесенной пескомъ, виднѣлись развалины мечетей и мазаровъ, а можетъ быть и загородныхъ дворцовъ прежнихъ владыкъ Бухары. Вся почва вокругъ была покрыта кусками цвѣтныхъ изразцовъ, синѣвшихъ среди желтыхъ песковъ, которые тянулись полоскою, все расширявшейся, по мѣрѣ движенія.

Заравшанъ, превратившійся въ средней ширины арыкъ, по вышности не напоминалъ собою ту бурную многоводную рѣку, которая протекаетъ около Самарканда. Разбираемые на поля остатки воды тихо протекали, давая жизнь небольшому количеству населенія, устроившемуся на удобныхъ для земледѣлія мѣстахъ между Бухарой и Аму-Дарьей. Но пески пустыни надвигались постепенно на этотъ край, оставляя немного хорошихъ мѣстъ.

Кишлаки: Чахшане, Шааръ-Исламъ и Афробадъ еще отличались сравнительнымъ многолюдствомъ, но площадь полей дѣлалась все меньше и меньше.

Глава III.

Кара-Кульское бекство.

Тучи между тѣмъ сгустились и нависли низко надъ землею, порою начиналъ идти сильный дождь, заставлявшій кутаться въ бурку. Лошади шли шагомъ, увязая въ грязи, и лишь на пескѣ грунтъ сдѣлался твердымъ и удобнымъ для движенія. Вѣтеръ рѣзкій, чисто осенній, со свистомъ проносился по равнинѣ, то завывая гдѣ то въ вышинѣ, то съ страшнымъ ревомъ устремляясь на строенія, какъ будто стараясь ихъ опрокинуть.

Молніи огромными змѣями извивались и переплетались въ темныхъ тучахъ, а раскаты грома дѣлались все чаще и чаще и, ка-

залось, все небо темное и страшное мѣстами горѣло пожаромъ, наводя невольный ужасъ.

— Надо скорѣе ѣхать, а то нехорошо будетъ, сталъ торопить Нуретдинъ, подгоняя свою лошадь и какъ бы показывая примѣръ.

Лошади, чувствовавшія, что гроза разыгрывается не на шутку, прибавили шагъ. И не успѣли мы добраться до караванъ-сарая въ Якка-Тутъ, какъ полилъ дождь, моментально превратившій окрестности въ сплошное море. Ручьи мутно грязной воды запрыгали по сторонамъ дороги, наполняя всѣ впадины.

Измокшіе и сильно продрогшіе, мы забрались въ полутемное помѣщеніе на дворѣ караванъ-сарая, въ которомъ вѣтеръ, проникая черезъ всѣ щели, ходилъ, какъ на дворѣ, а мангалъ съ едва тлѣющими обыкновенно углями пылалъ, наполняя все помѣщеніе густымъ дымомъ.

Устроившись въ углу на свертокѣ кошмъ и накрывшись толстымъ ватнымъ одѣяломъ, я прислушивался къ реву бури, чувствуя себя отлично подъ крышею.

Нѣсколько хивинскихъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Бухары, расположились тутъ же и, не обращая вниманія на вѣтеръ и дымъ, занимались чаепитіемъ, ведя между собою разговоръ.

— Трудно стало жить, замѣтилъ пожилой хивинецъ, все оттого, что люди живутъ не по шаріату. Земля все та же, что была при нашихъ отцахъ, дѣдахъ и прадѣдахъ, та же, что была тысячу, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Круговоротъ времени остался неизмѣннымъ на землѣ и также, какъ и прежде, люди рождаются, живутъ, а когда проходятъ годы они уходятъ въ домъ небытія, чтобы дать мѣсто другимъ. Но въ сердцахъ людей не стало мѣста для любви и все наполнилось злобой и завистью; забыли люди, что имъ нужно лишь два газа (аршина) земли, чтобы вырыть на ней могилу для брэнной оболочки, которая потомъ разсыплется и превратится въ ту же землю.

— Что же надо дѣлать, ата, чтобы жить, какъ сказано въ шаріатѣ?

— Не надо забывать, что люди лишь гости земли и помнить, что Милосердный, Милостивый, создалъ ее для того, чтобы смертные жили на ней, обрабатывая ее при жизни и находя покой въ ней же послѣ смерти. Всѣ страсти смертныхъ проходятъ надъ нею безслѣдно и она остается такою же, какою создала ее воля Аллаха. И никому не принадлежитъ земля, матеръ всего живущаго, такъ какъ, все живу-

щее на ней, принадлежитъ ей и сносить она всю отъ вѣка накопившуюся злобу людскую и преступленія. Рабы земли—смертные должны ею пользоваться, но только сами своимъ личнымъ трудомъ, кто сколько обработаетъ; и не будетъ тогда ни богатыхъ, ни бѣдныхъ и всѣ, получивъ счастье въ этой жизни, съ спокойнымъ духомъ будутъ уходить потомъ въ домъ небытія, съ чистымъ сердцемъ представъ передъ подножіемъ престола Милосерднаго...

Съ глубокимъ вниманіемъ прислушивались окружающіе къ словамъ этого своеобразнаго социалиста и слышались въ его словахъ забытая мысль Эжеліаста, пережившаго вѣка и указывающаго, что человѣческая мысль отъ вѣка осталась неизмѣнною, лишь видоизмѣняясь въ зависимости отъ времени и мѣста.

Обширные виноградники разрослись въ кишлакѣ и его окрестностяхъ и, благодаря песчаной почвѣ и водѣ, даютъ большое количество хорошаго винограда, пригоднаго для винодѣлія. Небольшой заводъ какого то иностраннаго предпринимателя выдѣлываетъ довольно порядочное красное вино, отправляемое преимущественно за границу.

Погода съ утра измѣнилась и снова солнце своими лучами освѣтило окрестности, скрываясь лишь порою за быстро мчавшимися по небу тучами. Лужи воды успѣли уже высохнуть, но мѣстами вода собралась во впадинахъ, образовавъ цѣлыя озера.

— Однако, неужели это все дождевая вода? невольно удивился я, видя огромныя пространства, покрытыя водою, глубина которыхъ мѣстами доходила до колѣнъ лошади.

— Нѣтъ, это вода пришла изъ рѣки Кашка-Дарья, отвѣтилъ присоединившійся къ намъ инженеръ N, ѣхавшій для какихъ то изслѣдованій по линіи желѣзной дороги.

— Старики говорятъ, что прежде рѣка Кашка-Дарья, берущая начало въ горахъ за Яка-багомъ и проходящая черезъ Карши, впадала въ Заравшанъ. Потомъ вода въ ней уменьшилась и стала доходить только до Каршей, теряясь въ пескахъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ стала замѣчаться прибыль воды и рѣка уже дошла до Касана, а дальше, на дорогѣ между Каршами и Бухарою, видно лишь русло рѣки, проходившее черезъ уроч. Куль-Маганъ и занесенное песками. Года два тому назадъ прибыль воды увеличилась и вотъ, какъ видите, рѣка уже достигла линіи желѣзной дороги, угрожая ей разливами.

Какъ можно предполагать, въ очень отдаленное время, Кашка-Дарья впадала въ Заравшанъ, около Кара-куля, который, въ свою

очередь, доходилъ до Аму-Дарьи и въ настоящее время среди песковъ Сундукли, около Наразыма, еще хорошо видно старое русло рѣки, по которому въ направленіи на Кара-куль образовалась впоследствии цѣлая система озеръ, соединенныхъ между собою болотами. Въ настоящее время самыми большими озерами считаются: Каранга-куль, Сунгуръ-куль, Ялангъ-куль и Кара-куль.

Огромная впадина, въ которой расположена Бухара, вполне подтверждаетъ историческое свѣдѣніе, что въ древности здѣсь была обширная низменность, покрытая озерами и болотами съ густыми зарослями лѣсовъ и камышей. Эти озера и болота еще 300 лѣтъ тому назадъ тянулись отъ Бухары до Фараба и отличались такимъ обиліемъ водяной птицы, что считались лучшими мѣстами для охоты. Великіе завоеватели, Чингизъ-ханъ и Тимуръ, отдыхая отъ своихъ военныхъ подвиговъ, любили проводить время на охотахъ около Кара-куля и преданіе рассказываетъ, что количество водяной птицы въ этихъ мѣстахъ было такъ велико, что сыновья Чингиза, Чагатай и Октай, однажды убили здѣсь въ короткое время столько дичи, что нагузили ея 50 верблюдовъ, отправляя въ подарокъ отцу.

Заросли камыша являлись прекрасными мѣстами, куда приходила рыба изъ Заравшана, Кашка и Аму-Дарьи метать икру, и рыбное богатство этого края въ то время вошло въ пословицу.

— По изслѣдованіямъ, недавно произведеннымъ, продолжалъ инженеръ, есть всѣ данныя предполагать, что, при устройствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плотинъ и каналовъ, представится полная возможность провести воды Кашка-Дарьи до самой Бухары, постоянно нуждающейся въ водѣ, и тѣмъ самымъ сдѣлать изъ Новой Бухары мѣсто съ хорошей растительностью, что въ настоящее время совершенно невозможно выполнить, такъ какъ въ Новой Бухарѣ воды недостаточно даже для жизни. Одновременно съ этимъ возможно будетъ оросить почти всю степь, располагающую отличной для земледѣлія лѣсовой почвой. Если судить по остаткамъ прежнихъ ирригаціонныхъ сооруженій, то, надо полагать, что вся равнина между Каршами и берегомъ Аму-Дарьи была орошена и, съ устройствомъ въ этихъ мѣстахъ новой ирригаціонной системы, явится новый богатый и удобный для земледѣлія край, могущій принять не одну сотню тысячъ жителей.

Современное орошеніе земель Заравшанской долины даетъ основаніе думать, что вся ея ирригаціонная система представляетъ собою грандіозное сооруженіе, которое устраивалось въ

глубокой древности и является трудомъ десятковъ поколѣній. И если прослѣдить всю систему, то окажется, что воды, выливающіяся на Бухарскую низменность черезъ каналъ Кара-Дарью, образуютъ далѣе цѣлую сеть арыковъ, изъ которыхъ, кромѣ рукава Бабкендь-Дарьи, въ нижнемъ теченіи вода раздѣляется на русла: Махань, Кара-куль-Дарью и Тойкыръ, имѣя огромную плотину около Дуаба, откуда начинается Шахрудъ арыкъ. Махань въ этомъ случаѣ служить лишь для спуска избытка воды, образуя озера Махань и Чиракчи. Съ правой стороны Заравшана выведено 15 арыковъ: Махабодъ, Тосгдамъ, Караманъ, Чаули и др., а съ лѣвой стороны 16 арыковъ: Карпой, Касаба, Ханымъ, Хазара и др. Но, несмотря на эту огромную сеть, все же масса воды теряется въ пескахъ совершенно непроизводительно.

Во времена Сельджукидовъ Арсланъ-Ханъ, принадлежавшій къ числу замѣчательныхъ правителей, сознававшихъ необходимость увеличивать размѣръ площади культурныхъ земель, провелъ изъ Аму-Дарьи отъ Фараба каналъ, дававшій жизнь Кара-кульскому району и способствовавшій образованію здѣсь огромнаго города Бейкенда, служившаго посредникомъ при торговыхъ сношеніяхъ грековъ съ Самаркандомъ и Китаемъ. Но, во время нашествія арабовъ, плотины были разрушены и городъ безъ воды пришелъ въ упадокъ, а потомъ постепенно былъ занесенъ песками пустыни.

Въ послѣдующій періодъ была снова сдѣлана попытка къ возобновленію канала, на которомъ постепенно выросъ городъ, получившій названіе Ходжа-девлета и скоро пріобрѣвшій извѣстность, благодаря своему мѣстоположенію на торговомъ пути между Мервомъ и Бухарою, но соперничество между этими государствами и постоянныя войны послѣ монгольскаго завоеванія скоро убили его торговлю, а населеніе, жившее постоянно подъ страхомъ нападений, бросило эти мѣста и такимъ образомъ городъ Ходжа-деветъ пришелъ въ разрушеніе, а пески пустыни въ короткое время засыпали собою его развалины. Въ настоящее время донельзя тяжелое впечатлѣніе производятъ собою эти остатки построекъ и полузанесенныя пескомъ стѣны дворцовъ, медресе и мечетей; груды обломковъ кирпича и глазировки разбросаны среди песковъ и лишь скорпіоны и фаланги въ громадномъ числѣ населяютъ прежнія жилища людей.

Кишлаки Агаръ и Майкокъ, составлявшіе собою когда-то дачныя мѣста для жителей Бухары и Бейкенда, въ настоящее время не отличаются многолюдствомъ и, постоянно ведя войну съ песками

пустынь, заносащими культурныя земли, промышляютъ добычею и возкою соли, доставляя ее къ желѣзной дорогѣ изъ соляныхъ озеръ, лежащихъ почти сплошною полосою по прежнему руслу Заравшана.

Озера эти, помимо добычи соли, пріобрѣли издавна извѣстность, какъ мѣста, гдѣ, съ помощью соленой грязи, производится лечение различныхъ болѣзней, причемъ ближайшее къ станціи соляное озеро Ходжа-девлеть каждое лѣто посѣщается огромнымъ числомъ больныхъ туземцевъ, а въ послѣднее время и русскими. Поразительные результаты грязелеченія ревматизмовъ, накожныхъ болѣзней и сифилиса доставляютъ этому мѣсту вполне заслуженную славу.

Самое озеро лежитъ верстахъ въ 5—6 отъ станціи, примыкая къ развалинамъ города Ходжа-девлеть, который расположенъ былъ прежде на берегу озера. Огромная продолговатая впадина, въ которой лежитъ соляное озеро, окружена со всѣхъ сторонъ высокими барханами, тѣсно придвинувшимися къ его берегамъ.

Вокругъ разстилается мертвая пустыня съ полнымъ отсутствіемъ человѣческаго жилья и растительности. Но лѣтомъ пустынные берега его оживаютъ и вокругъ появляются кибитки, выставляемыя для больныхъ.

Блестя, какъ огромное зеркало, озеро все покрыто тонкимъ слоемъ соли, отложившейся на поверхности въ видѣ коры, имѣющей большое сходство со льдомъ.

— Какъ же лечатся здѣсь? спрашивалъ инженеръ проводника, всматриваясь въ блестящую поверхность озера.

— Есть, тюра, такіе люди, которые умѣютъ лечить. Больного кладутъ въ грязь и обкладываютъ всего соляною грязью, а потомъ онъ лежитъ въ ней сколько нужно—часъ, два... Если недѣли двѣ купаться постоянно, больной совсѣмъ здоровъ будетъ. Привозятъ людей на ишакахъ, сами ходить не могутъ, а послѣ здѣшной грязи они идутъ на желѣзную дорогу пѣшкомъ. Лошадей и коровъ тоже здѣсь лечатъ.

Глубина озера около одного аршина, причемъ на днѣ скопляется самоосадочная соль, которую выламываютъ и вывозятъ въ количествѣ около 20 тыс. пудовъ ежегодно въ Бухару и Чарджуй.

Въ небольшомъ разстояніи отъ станціи Кара-куль, виднѣтся куртина густой растительности.

— Французъ живетъ—вино дѣлаеть, указалъ проводникъ.

— Какой французъ? удивились мы.

— Компанію держать, вино дѣлаеть, подтвердилъ и Нуретдинъ.

— Генераль былъ Анненковъ, его земля, а французъ аренду держать и заводъ строилъ.

Рѣшивъ на станціи сдѣлать приваль, мы устроили лошадей подъ навѣсомъ и взошли въ небольшое помѣщеніе, гдѣ былъ станціонный буфетъ. Нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ стояли около буфетной стойки, закусывая водку до нельзя высохшимъ сыромъ и окаменѣлой колбасой.

Присѣвъ къ столику и получивъ нѣсколько яицъ со стаканами мутноватаго чая, мы стали утолять свой голодъ.

— Извините, что ничего предложить не могу, галантно распылся буфетчикъ, увидѣвъ знакомое лицо желѣзнодорожнаго инженера. До города далеко и достать здѣсь что-либо очень трудно.

— Большой городъ Кара-куль? поинтересовался я.

— Нѣтъ, маленькій. Бекъ живетъ и базаръ есть. Но людей мало. Говорять, прежде былъ обширный городъ, но только его со всѣхъ сторонъ песокъ охватываетъ и стали пропадать пашни и сады, а люди переселяются въ другія мѣста. Кала, да мечеть старая, а больше и ничего нѣтъ. Базаръ малолюдный и ѣхать туда вамъ не стоитъ. Тамъ кишлакъ, какъ и всѣ прочіе, презрительно добавилъ буфетчикъ, сплевывая въ сторону.

— Что же мы въ такомъ случаѣ дѣлать будемъ? Заравшанъ окончился и такимъ образомъ мы закончили свое путешествіе? спросилъ инженеръ. Ѣхать смотрѣть конецъ Заравшана, т. е. болота, которыя начинаются невдалекѣ за Кара-кулемъ, врядъ-ли стоитъ. Болота, какъ болота, поросли камышами и ничего интереснаго собою не представляютъ. Дальше за ними къ Фарабу виденъ слѣдъ канала.

— Можетъ быть нашего вина бутылочку выпьете? соблазнилъ буфетчикъ.

— Вотъ кстати, попробуемъ мѣстнаго вина, всѣ очень хвалять, согласился инженеръ.

Черезъ минуту передъ нами стояла бутылка опорто издѣлія французской Кара-кульской компаніи. Вино было страшно крѣпко, но пріятно на вкусъ, не уступало ни въ чемъ заграничнымъ винамъ этого же сорта, продаваемымъ въ столицахъ по 1 р. 50 к. — 2 р. за бутылку, и стоило здѣсь на мѣстѣ всего 50 коп.

Глава IV.

Настоящій Кара-куль.

— Хорошее вино, настоящій Кара-куль, что и говорить, смакуя его, гудѣль густымъ басомъ инженеръ, но только одно досадно, спроса на него у насъ нѣтъ; оно все цѣбликомъ уходитъ сначала за границу, а оттуда, уже подъ видомъ заграничныхъ хересовъ, мадеръ и портвейновъ возвращается къ намъ обратно, но только уже по очень дорогой цѣнѣ.

Темно-желтое опорто искрилось въ рюмкахъ; горячіе солнечные лучи являлись особенно благопріятными для культивированія сладкихъ сортовъ винограда, дающихъ особенно крѣпкое вино.

— Вѣдь вотъ, подите-ка, Кара-кульское имѣніе принадлежало строителю дороги, генералу Анненкову; лучшія земли этихъ мѣстъ въ него вошли и все-таки наши русскіе никакого проку изъ этихъ земель извлечь не могли. Имѣніе, несмотря на свои богатства, доходовъ не давало, пока его не взяла въ свои руки французская компанія, устроившая сейчасъ-же заводъ и упорядочившая и виноградники.

— Очень ужъ инертны мы, русскіе, и страдаемъ отсутствіемъ предприимчивости!..

Такой богатый край, какъ Заравшанскій, все же не даетъ и половины того, что онъ могъ бы дать при улучшеніи ирригаціоннаго дѣла и при устройствѣ новыхъ плотинъ по теченіямъ Заравшана и Кашка-Дарьи. Я уже не буду говорить, что воды Великой среднеазиатской рѣки Аму-Дарьи пропадають совершенно и въ то время, какъ при другихъ условіяхъ онѣ могли бы оросить миллионъ десятинъ земли, въ настоящее время, при примитивныхъ способахъ ирригаціи, онѣ едва орошаютъ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ.

— Но, позвольте, вѣдь были же изслѣдованія и, кажется, даже образовались какія то компаніи по орошенію земель въ Средней Азіи? пытался я протестовать.

— Да, это вѣрно. Но вѣдь здѣсь мы уже болѣе 40 лѣтъ, а всѣ начинанія, про которыя вы упомянули, лишь дѣло послѣдняго полугодія.

Орошеніе участка между Керками и Мервомъ устройствомъ новаго арыка отъ Аму-Дарьи около Дунгузь-сырта, по проекту военного инженера Ермолаева, привлекло на себя вниманіе широкихъ круговъ капиталистовъ. Теперь ужъ образовалась акціонер-

ная компанія съ капиталомъ въ 20 милл. рублей, начавшая въ настоящемъ году изысканія. Дѣло имѣетъ большую будущность, давая возможность оросить болѣе полумилліона десятинъ плодородной земли.

Московскій биржевой комитетъ быстро уяснилъ себѣ значеніе этого проекта и текущимъ лѣтомъ имъ послана экспедиція для изслѣдованія этихъ мѣстъ. Сколько слышалъ, въ акціонерной компаніи Ермолаева принимаютъ участіе и иностранцы.

Бухарскія же власти, занимающіяся лишь выжиманіемъ податей изъ населенія, никакихъ затратъ на ирригацію, безъ понужденія русскаго правительства, не произведутъ; поэтому крайне необходимо, чтобы Россія въ этомъ отношеніи оказала бы на нихъ давленіе, безъ котораго здѣсь ничего не выйдетъ.

До поѣзда оставалось еще долго и, рѣшивъ закончить свою поѣздку, мы терпѣливо ожидали его прихода, устроившись на столахъ и стульяхъ для отдыха.

Но сонъ не приходилъ. Ворочаясь съ боку на бокъ на своемъ твердомъ и неудобномъ ложѣ, невольно вспоминалъ картины совершеннаго путешествія. Горы съ страшными пропастями и каньонами. Головоломныя тропинки, замѣняющія дороги. То сказочное богатство нѣкоторыхъ мѣстъ въ русскихъ предѣлахъ, то страшная бѣдность населенія рядомъ въ бухарскихъ владѣніяхъ.

— Ну, а какъ, все-таки, относится къ намъ мусульманское населеніе Бухары въ общей своей массѣ? спросилъ я, видя что N также не спитъ. Вы вѣдь давно въ краѣ, чуть не съ его завоеванія?

N на минуту задумался.

Видите-ли, заговорилъ онъ, бухарцы отлично сознаютъ, что ихъ сосѣди Самаркандской области живутъ гораздо лучше и зажиточнѣе, и они, разумѣется за невозможностью измѣнить свой строй, охотно готовы жить подъ властью Россіи; но тутъ придется вспомнить про мусульманское духовенство, до крайности фанатичное и сохраняющее непримиримую вражду къ невѣрнымъ урусамъ.

Нельзя забывать, что въ Коранѣ (V Сурата) сказано: «невѣрующимъ считается тотъ, кто признаетъ Бога въ трехъ лицахъ и считаетъ его «сыномъ Маріи, также тотъ, кто признаетъ Богомъ Месію»; а ниже въ слѣдующей Суратѣ рекомендуется: «убивайте невѣрующихъ вездѣ, гдѣ найдете ихъ».

Разумѣется, на такой благоприятной почвѣ, освященной положеніями религіи, и создается та нетерпимость ко всему русскому,

которая не проявляется рѣзко лишь вслѣдствіе того, что удобнаго случая еще не представлялось. Но самая Бухара къ намъ недоброжелательна и полагаться на завѣренія ея властей о преданности населенія Россіи по меньшей мѣрѣ неосторожно. Одно лишь полное включеніе бухарскаго ханства въ число русскихъ областей, съ введеніемъ въ немъ русскаго управленія, можетъ отчасти парализовать работу имановъ, дервишей и духовныхъ обществъ, направленную къ осуществленію мусульманскихъ сепаратическихъ стремленій, появившихся въ послѣднее десятилѣтіе во всемъ мусульманскомъ мірѣ. При современной же системѣ управленія, Бухара осуждена на прозябаніе, а населеніе на вымираніе...

Рѣзкій звонокъ, возвѣстившій приходъ поѣзда, прервалъ нашъ разговоръ. На платформѣ замелькали огоньки фонарей и показались люди. Съ грохотомъ, окруженный клубами пыли, приближался локомотивъ пассажирскаго поѣзда, освѣтивъ всѣ пути своими фонарями, будто огромными глазами.

На платформѣ сновала пестрая толпа бухарцевъ и лишь изрѣдка среди бѣлыхъ чалмъ и цвѣтныхъ халатовъ выдѣлялась фигура русскаго. Вокругъ слышался гортанный разговоръ на сартовскомъ и туркменскомъ языкахъ. Впечатлѣніе пребыванія на русской станціи среди русскихъ людей улетучилось и чувствовалось, что снова находимся въ чужой странѣ среди совершенно чуждой народности.

Всѣ вагоны поѣзда также были переполнены мусульманами, среди которыхъ долго бродили мы, отыскивая мѣста.

Поѣздъ медленно двинулся по направленію къ Чарджую, глухо постукивая колесами и разсыпая искры, которыя, пролетая мимо оконъ вагона, подобно огненному дождю, освѣщали песчаную пустыню, разстлавшуюся по обѣимъ сторонамъ дороги.

Долина Заравшана осталась позади...

Д. Логофетъ.

